

A black and white photograph of a city skyline. In the foreground, there is a body of water reflecting the buildings. A row of trees and a large, multi-story building with a mansard roof are situated between the water and the skyscrapers. The background is dominated by several tall, modern skyscrapers of varying heights and architectural styles. The sky is overcast.

Литературный
европеец

91

2005

евро. Получив их в качестве гонорара от одного зарубежного русскоязычного издания, я решил отложить валюту «на черный день». В сбербанке, однако, мне сказали, что одна из купюр светится в ультрафиолете. И ее, в этой связи, согласны принять только с уценкой. Возникло небольшое препирательство – я попросил показать документы, на основе которых иностранная валюта подвергается девальвации, кассирша же утверждала, что клиенты обязаны верить работникам сбербанка на слово.

Не успел я ничего возразить, как на мое плечо опустилась тяжелая рука, и меня плотно – совсем как тогда на Курском вокзале – обступили четыре уверенных в себе человека. Несмотря на штатское одеяние, двое из них сжимали автоматы...

– Нет, нет! – кассирша поняла все раньше меня. – В подлинности этой купюры сомневаться нет оснований. Речь идет только о ее частичном повреждении. Она, вероятнее всего, побывала в воде...

Менты, внешне мало отличимые от бандитов, с огромным сожалением расступились.

– И кто же это успел вызвать вас? –

спросил я их.

– А мы всегда начеку! – ответил бритоголовый. – Так что, отец, не очень-то тут ерпенься!

Отделения милиции я все-таки не миновал – стоило заступиться за престарелую женщину, продававшую на выходе из метро молоко в пластиковых бутылках. Она пыталась урезонить прогонявшего ее милиционера объяснением, что молоко это фермерское, от своей коровы, и за ним приходят сюда постоянные покупатели – все оказывалось напрасным. Мое заступничество привело мента в бешенство. Он впился в мою руку, разорвал мне рубашку и, осыпая угрозами и проклятиями, вызвал по радиации подмогу – для такого дела машина в милиции нашлась. Дежуривший в отделе старший лейтенант, однако, не принял его сторону. Он принес мне извинения и в том же «уазике» отправил домой, предложив деньги на новую рубашку... Все это случилось, правда, после того, как он обнаружил в моей сумке удостоверение члена Союза писателей, Литфонда и клуба ЦДЛ. Не будь их, я, возможно, попал бы домой не скоро...

А потом, совсем-совсем недавно я, отправляя бандероль, выстоял на Центральном телеграфе немалую очередь и забыл там пакет... Вернулся в зал минут через пять и был схвачен «стражами порядка» – как террорист. На меня кричали и осыпали угрозами, и я позволил себе задать вопрос: каким же путем, спросил, через столь жесткие кордоны проходят настоящие бандиты и террористы, как проносят они оружие и боеприпасы? Как же организуют они свои чудовищные взрывы, где гибнут ни в чем не повинные люди? Думаю, сказал, что нелюдей этих – в отличие от нас – строгая (а точнее сказать – жестокая) охрана пропускает беспрепятственно, но, конечно, за определенную мзду: «На нас же вы просто срываете зло – идут, мол, какие-то людишки и денег не платят!»

Если все это не так, и охрана честно и добросовестно выполняет долг, то придется признать не только, что Россия превратилась в бандитское и полицейское государство. А и то еще, что серьезных террористов на самом деле нет, а все «терракты» организуют спецслужбы...

Виктор Фет

Исидор Козан

Заявка

(сонет с нетрадиционной рифмовкой)

Пусть Инь и Ян то мирятся, то ссорятся,
дела у нас не так уж и плохи:
когда б вы знали, из какого Сорога
растут в России гранты и стихи!

Ведь все, что есть, живет и дышит грантами:
образование, наука и кино;
суперкомпьютеры, заполненные квантами,
лаборатории с седьми лаборантами,

Большой театр с балетными пуантами,
госбезопасность с удалыми лейтенантами,
толпа философов с Платонами и Кантами,

и первоклассницы с букетами и бантами,
и Эрмитаж с усталыми атлантами
(все остальное повымерло давно).

Авгур

Спит вечный Рим. Но движутся фигуры,
предавшие ночной уют,
жрецы – молчаливики, авгуры
друг другу знаки подают.
Какой секрет, какая тайна
навек сомкнула их уста?
Цена обмолвки их случайной
удавка – строг жрецов Устав...
небесные толкуют знаки,
как волю бдительных богов,
и Рима прорастают злаки
на пепле и костях врагов...
Авгуры молятся так пылко –
до соли на спине рубах,
но неприметная ухмылка
блуждает на сухих губах.
Опершись на кривой свой посох,
стоит на площади авгур
среди сонма мраморных фигур:
богов во всевозможных позах.
Под его взором почва зыбка,
крошиться вдруг начнут столпы,
но гаснет странная улыбка
в тяжелом грохоте толпы...